

П.Г. НЕМАШКАЛОВ
(Ставрополь)

**ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ
ПРАВОСЛАВИЯ В УСЛОВИЯХ
КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА ДО ОБРАЗОВАНИЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КАВКАЗСКОЙ
ЕПАРХИИ В 1843 г.**

Анализируются особенности развития православия на Кавказе в период массового переселения в регион. Благодаря своей независимости от государственной власти казаки смогли в новых условиях возродить и развить древнюю вечевую систему самоуправления, исчезнувшую к этому времени в России. Переселенцы выработали свой порядок удовлетворения церковных треб, который позволил сохранить национально-конфессиональную идентичность в суровых условиях кавказской реальности.

Ключевые слова: *история Русской Православной Церкви, Северный Кавказ, казачество, колонизация, раскол.*

В исторической литературе нет единого мнения о местах первоначального поселения славян на Северном Кавказе. Какая-то часть их, видимо, до переселения к Тереку жила по его притокам, в ущельях гор, по гребням Терского хребта. Отсюда и название этой части казаков – гребенцы. По мнению дореволюционных историков, это были казаки Червленого Яра, местности, располагавшейся между Верхним Доном и Хопром, которые бежали от великого князя московского Ивана III в конце XV – начале XVI в., «сели на струги с семьями и животами и выплыли весенним половодьем на Дон, отсюда перебрались в Волгу и пустились к недостижимому московской погоней убежищу – к устьям Терека» [18, с. 12].

Как отмечали дореволюционные историки, нередкими были случаи, когда бежавшие из горных аулов по разным причинам принимались казаками в общества. При этом среди казаков изначально сложилась традиция, которая закладывала основы православной жизни в колонизируемом регионе. Согласно этому обычаю, все вновь прибывшие обязательно принимали православную веру и усваивали язык казаков-старожилов [16, с. 133]. В то же время отличительной особенностью Терского

казачьего войска являлось наличие в нем различных религиозных и социальных групп. Например, по данным на 1723 г., в составе войска числилось 14 представителей дворянского сословия, 39 крещеных горцев различной национальности, 40 казаков, исповедовавших ислам, что, несомненно, шло в разрез установленным традициям, но суровые условия времени налагали свой отпечаток и в этом вопросе. Штатный же состав Терского казачьего войска был относительно невелик и насчитывал всего 408 казаков [28, с. 46], но оказываемое ими духовное влияние на приходящее население, подпадающее под их защиту, было велико.

Начавшиеся в конце XVII в. преследования раскольников в России не затронули казачье население Терека и Сунжи. Казаки продолжали придерживаться старых обрядов, видя в этом один из факторов сохранения собственной идентичности. «Они продолжали жить тем, что принесли с собою из старой Руси, молились по старым книгам, исполняли старые обряды, и никто не приходил к ним указывать новые порядки, никто не теснил и не гнал их за исполнение старых», – писал В.А. Потто [17, т. 1, с. 91]. Старые христианские верования и культы прочно утвердились в сознании и поведении казаков как важные атрибуты их повседневной жизни.

Местное казачество антиправительственные выступления раскольников не поддерживало, мотивируя свой отказ малочисленностью и необходимостью защиты от внешнего врага [Там же]. Не поддержали терские и гребенские казаки и Кондратия Булавина, поднявшего в 1707 г. мятеж на Дону, после подавления которого около двухсот казаков во главе с атаманом Игнатом Некрасовым бежали на Кубань, где под покровительством крымского хана образовали раскольническую общину.

Подобная позиция терско-гребенского казачества предопределила отношение к нему духовных и светских властей на Северном Кавказе. Власти не боролись против староверов-старожилов Терека, а прежде всего стремились к тому, чтобы оградить их от «классических раскольников», проповедовавших ересь. Среди терско-гребенских казаков сохранилось даже предание, будто бы Петр I, по достоинству оценив их заслуги перед Отечеством, жаловал их «за многие службы двуперстным крестом и старою верою» [Там же, т. 2, с. 20].

Первые попытки установления церковного порядка относятся к деятельности Астрахан-

ского епископа Илариона, который в 1735 г. послал указ с требованием соблюдать церковные порядки. Обязал всех прислать подписки, что они будут поступать согласно указу, в противном случае угрожал рапортом в Святой Синод, а «попы, за означенную противность церкви, могут быть расстрижены и отправлены на каторжные работы». В этом указе архипастырь также убеждает казаков, чтобы они исповедовались и причащались каждый год. Поскольку в их молитвенных домах не были устроены алтари, кроме Николаевской церкви станицы Курдюковской, то к наступлению будущего Великого поста во всех действующих церквях устроили алтари, чтобы в каждой станице можно было совершить литургию и причастие. Однако казаки 18 мая 1738 г. обратились к Астраханскому епископу Илариону с просьбой сохранить прежний порядок: «мы в том же стоим не прибавляем и не убавляем» [10, с. 324–337].

Казаки согласились соблюдать все правила и таинства церкви, сославшись на то, что не исполняли этого раньше только потому, что не было церквей, которые они решили строить вместо устройства алтарей в молитвенных домах, а с их устройством готовы были выполнять свой христианский долг. На просьбу присланной делегации от всего Гребенского войска разрешить креститься двумя перстами пресвященный откликнулся и оставил разрешение этого вопроса до рассмотрения Синодом. В 1739 г. Синодом предписывалось направить в станицы искусного человека для разъяснения казакам. Для этого был выбран священник Астраханской Рождественской церкви Артемий Гавриилов. Однако этой миссионерской попытки не суждено было случиться, поскольку назначенный священник заболел и вскоре скончался. Но это не означает, что не был послан другой.

Получив донесение от консистории и от архимандрита Мефодия, преподобный Иларион особым указом предписал священникам гребенских станиц не требовать трехперстного сложения, поскольку, кроме креста, никакого раскола в казаках не находил. В ментальности местного казачества древняя православная традиция утвердилась настолько прочно, что без нее они себя не представляли. Хорошо известно, что в сознании людей XVII–XIX вв. понятие «русский» было равнозначно понятию «православный» [24, с. 89–105]. Для Терека такими равнозначными понятиями стали «гребенец» и «старовер», т.е. истинно православный.

По мере расширения границ империи усиливалось давление на вольное казачество Северного Кавказа, поэтому часть некрасовских казаков предпочла в 40-х гг. XVIII в. перейти под покровительство султана и переселилась в Дунайскую дельту. Оставшиеся казаки оказали активное сопротивление и даже попытались захватить территорию Тамани. Понимая сложность ситуации, правительство обещало помилование и предложило вернуться на родину, но в 1777 г. около 3 тыс. чел. предпочло уйти за Кубань [8, с. 17]. Другая часть водным путем перешла в Анатолию, и на месте старого поселения осталось 15 куреней неимущих казаков [21, с. 408].

При этом необходимо отметить, что в последующие годы религиозная ситуация в обустроенных казачьих станицах на Северном Кавказе продолжала оставаться неоднозначной и нестабильной. По данным Ф.А. Щербины, с Дона на новые поселения в приграничные области переводили исключительно казаков-раскольников. Один из современников, описывая переселенческий процесс в Линейном войске, отмечал, что «для населения новых станиц вызывались охотники, назначались по жребию и высылались люди буйные и сектанты» [2, с. 189]. Православное духовенство, служившее в линейных станицах, расположенных по р. Кубань и особенно по р. Терек, указывало на сильные позиции старообрядчества в первой половине XIX в.

Обращаясь к статистическим данным, надо отметить, что во всех подразделениях Кавказского линейного казачьего войска существовали последователи старого вероучения, которые в основной массе не отвергали церковного таинства. В казачьих общинах были и сектантские направления, но все их последователи относились к категории «приемлющих священство». Всего же на 1 января 1847 г. численность сектантов, «приемлющих священство», была 20 244 чел. обою пола, а «не приемлющих священство» – 1 530 чел. обою пола [26. Л. 302]. При этом основная масса их расселения сосредоточилась на левом фланге линии в области Терека.

Постепенно позиции старообрядчества начинали сужаться, что было связано с процессом масштабного заселения региона новыми переселенцами и включением региона в административно-экономическую сферу страны. Не менее значимыми были начавшиеся активные боевые действия в регионе, которые вели к росту потерь в среде местного населения

и вынуждали пополнять станичные поселения пришлыми людьми, которые проповедовали официальное православие [5. Л. 7–7об.].

Положение РПЦ на Северном Кавказе в конце XVIII в. резко ухудшилось, поскольку соседняя Порта начала системное проповедование ислама через внедряемых проповедников в среде горского населения. Им не пришлось прилагать больших усилий для того, чтоб возбудить природную воинственность и направить ее против Российской империи. Возникающие повсеместно пророки «понесли смерть и опустошения в поселения христианские, принуждая христиан к магометанству» [23, с. 649].

В отношении ислама, начиная с Александра I, государство придерживалось «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [14, с. 153]. Особую тревогу вызвала отдаленность Северного Кавказа от столиц и Центра империи. Действительно, все попытки, начиная с Екатерины II, как-то контролировать или хотя бы влиять на мусульман региона через муфтият не имели успеха.

В действительности, по справедливому замечанию С.Г. Рыбакова, регион, по сути, выпадал из сферы притяжения существующих муфтиятов [22, с. 270]. В итоге власть перешла к игнорированию ислама и в приобщении к христианству мусульман видела одно из средств урегулирования конфликтных взаимоотношений.

Опираясь на идею восстановления еще не утраченных до конца представлений о христианстве в среде местного населения, государство в ответ предпринимало попытки миссионерской практики. По идее, конфессионально близкое население должно было стать и политически благонадежным, что, несомненно, способствовало уменьшению конфликтности и безопасности. Еще раньше примером таких попыток было учреждение в 1745 г. Осетинской духовной комиссии во главе с архимандритом Пахомием, который отмечал высокий уровень языческих пережитков и неопределенность предпочтений населения в пользу ислама или христианства [19, с. 74–75]. В историографии нет однозначной оценки деятельности этой комиссии. Считается, что большая часть горцев, обратившихся в христианство, преследовала меркантильные интересы, т.к. при крещении получали материальные вознаграждения [6, с. 80].

Конечно, можно ставить под сомнение успех предпринятой миссии, но в этот период это была первая попытка, которая имела далеко идущие последствия. Своими действиями члены комиссии показали стремление к сотрудничеству с теми, кто принимал христианство и кто мог рассчитывать на помощь со стороны российской власти.

Несмотря на все предпринимавшиеся попытки, никакие меры уже не могли сохранить народы Северного Кавказа в православной вере. Тем не менее православие в Осетии добилось высоких результатов. Среди осетин появились грамотные люди, были заложены основы дальнейшего просвещения народа [25, с. 142]. Осетинский поэт и общественный деятель К.Л. Хетагуров, давая собственную оценку деятельности комиссии, отмечал, что ее результаты были довольно значительными, «судя по времени и обстоятельствам тогдашней военной жизни края» [13, с. 165].

Со времени принятия христианства Древней Русью особую роль в его распространении играли монастыри как духовно-религиозные и социальные центры, очаги православной культуры. В поликультурном и поликонфессиональном регионе, каким был Северный Кавказ, властью на монастыри возлагалась миссионерская функция. Жители монастырских обитателей имели большой авторитет в среде народов, не окончательно утративших в своей культуре христианские элементы. Поскольку включение Кавказа в состав Российской империи было сопряжено с длительными военными действиями, то на Кавказе для монастырей особых штатов не создавалось, а только издавались разновременные указы, касающиеся их устройства.

Первым был открыт в Кизлярской крепости Крестовоздвиженский монастырь, судьба которого тесно переплелась с судьбой крепости. Он стал первым шагом по пути распространения православной морали в беспокойном регионе. Позже был основан в Моздокской крепости в 1763 г. мужской Преображенский монастырь, который также в определенный период времени стал центром христианской жизни. В 1797 г. указом Екатерины II впервые на Северном Кавказе при Успенской городской церкви открылся женский монастырь, подчиненный самостоятельной Моздокской епархии [12, с. 211, 288]. Однако неспокойное время не дало возможности проявить весь имеющийся потенциал этих обителей, поскольку уже в 1799 г. обе они были

упразднены, а послушники с братией переведены в другие монастыри.

При переселении казаков Запорожской Сечи в Черноморию Екатерина II разрешила им учреждение собственной монастырской обители, предназначенной для раненых казаков, «желающих спокойной монашеской жизни» [3. Д. 169. Л. 38–39об.]. Созданный монастырь не пользовался казенным содержанием, а обеспечивался средствами Черноморского войска, по примеру штатных монастырей империи. Специфической чертой монастыря была ориентация на удовлетворение потребностей религиозных нужд войскового казачества. Изначально обитель предназначалась для казаков, стремящихся к уединенной жизни или покалеченных войнами людей, ищущих божьего утешения [Там же. Д. 192. Л. 77–79об.]. Основанный на таких принципах, он надолго стал головной болью церковных властей региона, которые в наведении монастырского порядка столкнулись с религиозными особенностями запорожцев и казачьим самоуправством.

Черноморское казачество, образованное в большинстве выходцами из Запорожской Сечи, придерживалось официального православия. По мнению С. Шептуна, оно являлось образцом церковного порядка, оплотом в борьбе с расколом [27, с. 424]. Однако нужно согласиться и с другой точкой зрения, представленной в исследованиях М.Ю. Горожаниной, которая определяет веру черноморцев как «военное» православие со всеми характерными чертами этого понятия [Там же, с. 73]: «От древних времен мы, войско запорожское, никакого иного намерения не имеем, токмо единого тогожде единомыслия и стояния против неприятелей за сохранение церквей святых и за целостность всего православного народа» [9, с. 213]. Черноморцы не только не умаляли значения православной церкви, но и считали ее неотъемлемой частью собственной жизни.

Особенности веками формировавшегося мировоззрения нашли свое отражение в устойчивых позициях религиозных практик. К характерной черте религиозного сознания черноморцев М.Ю. Горожанина относит синтез языческих культов и православной веры. Это составляло единое целое, единую веру, «в которой жил вольный человек, не знавший иной власти, кроме Бога и атамана» [7, с. 72]. Носителями другой мировоззренческой концепции были линейцы-старообрядцы, которые, по справедливому замечанию Н.Н. Великой, вы-

работали «естественно сложившуюся на основе христианских и языческих представлений религиозно-обрядовую систему, получившую распространение в местах проживания “старых” групп казачества (прежде всего на Тереке и Доне)» [7, с. 159]. В процессе дальнейшей миграции этой социальной группы данная религиозно-обрядовая система утверждалась на новом месте.

Исследователь данного периода Н.Т. Михайлов отмечает, что религиозность казачества не проявляется во внешних ритуалах, а носит характер внутренней связи с Богом, которая не может быть ритуализирована и регламентирована [15, с. 46]. Набожность и усердие к религии у черноморцев отмечал и священник Кучеровский, но он также подчеркивал, что они «ленивы ходить в церковь на молитву» [9, с. 8].

Власть епископов над казачьими станицами и крестьянскими поселениями имела формальный характер. На обширных территориях Северного Кавказа органы епархиального управления с трудом поддерживали видимость церковного порядка: вдовых не удаляли от служения в приходах, не практиковали наказания за нарушения канонов, с большими усилиями собирали церковные суммы.

В попытке урегулировать сложившуюся ситуацию верховная власть в 1829 г. разделила Воронежскую епархию на две кафедры и образовала Донскую и Кавказскую епархии. Последняя вскоре по кафедральным городам стала именоваться «Новочеркасской и Георгиевской». В ее состав входили территории Войска Донского, Кавказской области и земли Черноморского казачьего войска [11, с. 115–118].

Как Астраханский архипастырь не мог по отдаленности Кавказского края и по отсутствию хороших и безопасных путей сообщения следить за церковной жизнью региона, так и Донской архипастырь по тем же причинам не мог входить во все условия жизни региона и давать ей надлежащее направление. Вследствие этого в церковной жизни Северного Кавказа продолжали существовать выработанные специфические черты, которые поражали своими крайностями в жизни населения и духовенства [22, с. 6–8]. На территории области Войска Донского в 1842 г. насчитывалось 390 церквей и 627 причтов, Кавказской области – 126 церквей и 180 причтов, Черномории – 66 церквей и 96 причтов. В своих докладах начальник Кавказкой области неоднократно высказывался о том, что сложившаяся

ситуация является препятствием для местного духовного управления, затрудняет взаимодействие духовных и гражданских властей, а создание самостоятельной епархии послужит распространению христианской веры между племенами горских народов, сохраняющих христианские обычаи, «не во всем подавленные владычеством чуждого верования». Учитывая возникающие сложности и заботясь о единообразии церковного управления, Синод разработал программу организации самостоятельной епархии [4. Л. 1–2].

Таким образом, патриаршая власть над сельскими приходами Северного Кавказа имела формальный характер. Сложная внешнеполитическая обстановка, бедность и малочисленность приходов не позволяли быть пастырем церкви на высоте своего призвания и оказывать должное влияние на прихожан. Многие приходы были разбросаны на несколько десятков верст, что служило удобной почвой для распространения среди прихожан предрассудков и суеверий, которые способствовали развитию сектантства. Кроме того, местное казачество оказывало активное и пассивное сопротивление попыткам церковных властей вмешательства в их религиозные практики в соответствии с официальными канонами.

Эти обстоятельства привели к сохранению у линейного казачества приверженности к местному варианту старообрядчества [1, с. 125–163]. Если сравнить религиозные практики казаков-старообрядцев и православных черноморцев, можно выделить общие черты (например, отсутствие церковных организаций и деятельность в отпавлении христианских треб выборных лиц из числа самих казаков). Силовые и административные же методы натолкнулись на упорное сопротивление казачества и не способствовали уходу его от раскола, в результате чего органы высшей церковной и светской власти вынужденно уклонились от разрешения сложившейся ситуации. Однако это не означает оставления попыток распространения православия и искоренения сложившихся практик в среде местного казачества и остального населения.

Список литературы

1. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.
2. Военный сборник. СПб., 1870. Т. 74. № 7–8.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 1. Д. 192.
4. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1548.
5. ГАСК. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 608.
6. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. – Пятигорск, 1992.
7. Горожанина М.Ю. Особенности православной веры черноморских казаков // Творческое наследие Щербины Ф.А. и современность: тез. докл. Краснодар, 1999.
8. Дмитриенко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1897. Т. 1.
9. Захарченко В.Г. О влиянии православия на народные культурные традиции // Казачество в истории России. Краснодар, 1993.
10. Кавказские епархиальные ведомости. 1874. № 10.
11. Кириллов А. Материалы к церковной истории Донского края за XVIII и XIX века: материалы, относящиеся к открытию Донской епархии // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. 2.
12. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–1895 по 1 июля 1890 год. СПб., 1890.
13. Материалы по истории Осетии. Т. V. Дзуджикау, 1947.
14. Министерство внутренних дел: Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901.
15. Михайлов Т. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910.
16. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Гребенское войско. Нальчик, 2001.
17. Потто В.А. Два века Терского казачества: в 2 т. Владикавказ, 1912.
18. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. М., 2006. Т. 1.
19. Русско-осетинские отношения в XVIII веке: сб. документов: в 2 т. / сост. М.М. Блиев, ред. П.П. Епифанов. Ордженикидзе, 1976. Т. I.
20. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской Империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и введ. коммент. Д.Ю. Арапов; отв. ред. А.М. Васильев. М., 2001.
21. Савельев Е.П. История казачества (исторические исследования). Новочеркасск, 1918. Ч. III.
22. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1897. № 1.
23. Тальберг Н. История русской церкви. М., 1997.
24. Токарев С.А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 87–105.
25. Тотоев М.С. История зарождения осетинской письменности в XVIII веке // Известия Северо-

Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. XIX.

26. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5.

27. Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995.

28. Юдин П.Л. В Низовом корпусе // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1915. № 13.

* * *

1. Velikaja N.N. Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ja v XVIII–XIX vv. Rostov n/D., 2001.

2. Voennyj sbornik. SPb., 1870. Т. 74. № 7–8.

3. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F. 135. Op. 1. D. 192.

4. GASK. F. 90. Op. 1. D. 1548.

5. GASK. F. 1300. Op. 1. D. 608.

6. Gedeon, mitropolit Stavropol'skij i Bakinskij. Istorija hristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedinenija ego k Rossii. M.–Pjatigorsk, 1992.

7. Gorozhanina M.Ju. Osobennosti pravoslavnoj very chernomorskih kazakov // Tvorcheskoe nasledie Shherbiny F.A. i sovremennost': tez. dokl. Krasnodar, 1999.

8. Dmitrienko I.I. Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'ego vojska. SPb., 1897. Т. 1.

9. Zaharchenko V.G. O vlijanie pravoslaviya na narodnye kul'turnye tradicii // Kazachestvo v istorii Rossii. Krasnodar, 1993.

10. Kavkazskie eparhial'nye vedomosti. 1874. № 10.

11. Kirillov A. Materialy k cerkovnoj istorii Donskogo kraja za XVIII i XIX veka: materialy, otnosjashiesja k otkrytiju Donskoj eparhii // Sbornik Oblastnogo vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novochechassk, 1901. Vyp. 2.

12. Material dlja istoriko-topograficheskogo issledovanija o pravoslavnyh monastyryah v Rossijskoj imperii s bibliograficheskim ukazatelem / sost. i izd. V.V. Zverinskij. Ch. 1: Preobrazovanie staryh i uchrezhdenie novyh monastyrej s 1764–1895 po 1 ijulja 1890 god. SPb., 1890.

13. Materialy po istorii Osetii. Т. V. Dzauzhikau, 1947.

14. Ministerstvo vnutrennih del: Istoricheskij ocherk. 1802–1902. SPb., 1901.

15. Mihajlov T. Spravochnik po Stavropol'skoj eparhii. Ekaterinodar, 1910.

16. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnih vremen: Grebenskoe vojsko. Nal'chik, 2001.

17. Potto V.A. Dva veka Terskogo kazachestva: v 2 t. Vladikavkaz, 1912.

18. Potto V.A. Kavkazskaja vojna: v 5 t. M., 2006. Т. 1.

19. Russko-osetinskie otnoshenija v XVIII veke: sb. dokumentov: v 2 t. / sost. M.M. Bliev, red. P.P. Epifanov. Ordzenikidze, 1976. Т. I.

20. Rybakov S.G. Ustrojstvo i nuzhdy upravlenija duhovnymi delami musul'man v Rossii // Islam v Rossijskoj Imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i vvod. komment. D.Ju. Arapov; otv. red. A.M. Vasil'ev. M., 2001.

21. Savel'ev E.P. Istorija kazachestva (istoricheskie issledovanija). Novochechassk, 1918. Ch. III.

22. Stavropol'skie Eparhial'nye vedomosti. 1897. № 1.

23. Tal'berg N. Istorija russkoj cerkvi. M., 1997.

24. Tokarev S.A. O religii kak social'nom javlenii (mysli jetnografa) // Sov. jetnografija. 1979. № 3. S. 87–105.

25. Totoev M.S. Istorija zarozhdenija osetinskoj pis'mennosti v XVIII veke // Izvestija Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. 1957. Т. XIX.

26. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv respublik Severnaja Osetija – Alanija. F. 2. Op. 1. D. 5.

27. Sheptun S. Iz istorii pravoslavnoj cerkvi na Kubani. Krasnodar, 1995.

28. Judin P.L. V Низовом корпусе // Zapiski Terskogo obshhestva ljubitelej kazach'ej stariny. Vladikavkaz, 1915. № 13.

Process of formation of Orthodoxy in terms of colonization of the North Caucasus till formation of the independent Caucasian diocese in 1843

The article deals with the features of development of Orthodoxy in the Caucasus in the period of mass resettlement in the region. Due to its independence from the government, the Cossacks were able to revive and develop the ancient Veche system of self-government that disappeared by that time in Russia. The settlers developed their own procedure for satisfying the religious services, which helped to keep the national and confessional identity in the harsh conditions of the Caucasian reality.

Key words: *history of Russian Orthodox Church, North Caucasus, the Cossacks, colonization, split.*

(Статья поступила в редакцию 01.09.2017)